

О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ, ЭМПИРИКИ И ПРАКТИКИ В ЭКОНОМИКЕ

П. ГИЛИС

В материалах XXIV и XXV съездов КПСС и других партийных и правительственных документах настоятельно подчеркивается необходимость повысить скорость и эффективность передачи результатов научных исследований в область хозяйственной практики, акцентировать практическую направленность научных исследований и тем самым ускорить процесс превращения науки в непосредственную силу общества. В свете этой поставленной партией задачи особую важность приобретает проблема соотношения экономической теории, эмпирического познания экономических процессов и хозяйственной практики. В условиях НТР чрезвычайно важны как «трансформация» эмпирических фактов хозяйственной практики в целостную теоретическую картину экономической жизни страны, так и внедрение выводов экономической теории в управление экономикой.

С сожалением приходится констатировать, что эта важнейшая методологическая и практическая проблема не находит должного отражения в политэкономической литературе. Некоторые авторы, такие как А. Еремин, А. Сергеев, С. Дзарасов, В. Олигин-Нестеров, затрагивают эту проблему при исследовании родственных вопросов, однако это не может восполнить нехватку работ, специально посвященных взаимосвязи теоретического и эмпирического познания, с одной стороны, и экономической науки и практики, с другой стороны.

Данная статья не претендует на всестороннее и исчерпывающее освещение вопроса. Вместе с тем автор надеется, что высказываемые соображения послужат материалом для дальнейшего критического осмысления этой сложнейшей проблемы. В настоящее время в науке ярко проявляется тенденция повышенного интереса к теории. И это понятно, ибо одним из коренных условий, обеспечивающих прогресс научных исследований, выступает в наше время разработка теоретических средств научного познания. Острая необходимость развития теории объясняется в первую очередь постоянным быстрым ростом и усложнением научного знания. Можно утверждать, что в современной науке, в том числе и экономической, обнаруживается определенное отставание тенденции синтеза, интеграции имеющихся знаний от аналитической, увеличивающей наши знания о частных случаях, об отдельных сторонах и свойствах окружающей нас действительности. Как известно, частные научные знания, то есть знания, полученные отдельными исследователями, направлениями или отраслями науки, не всегда легко совместить в единую непротиворечивую картину исследуемой области действительности. На базе частного знания нередко проблематично получение общего знания об исследуемом объекте.

Функцию синтеза частного научного знания и должна осуществлять теория. Однако трудно себе представить, чтобы, например, экономическая теория ограничивалась обобщением результатов частных экономи-

ческих исследований и хозяйственной практики. Марксистско-ленинская философия опровергла индуктивистские представления о науке, суть которых состоит в убеждении, что теоретическое знание — это обобщенное частное эмпирическое знание.

Теория не удовлетворяется функцией обобщения. Она является способом получения нового, не зависящего от опыта знания, которое должно послужить ориентиром как для частных исследований, так и для хозяйственной практики.

Простое суммирование частного экономического знания не дает целостной картины народнохозяйственной системы. Поэтому задача экономической теории состоит в разработке такой теоретической схемы, которая вмещала бы (после соответствующей корректировки) частное, эмпирическое экономическое знание. Экономическая теория не только обобщает частное знание, но и на основе знания общих закономерностей развития хозяйственного организма указывает главные направления, главные проблемы конкретных экономических исследований. В этой связи можно говорить о все возрастающей роли политической экономии как всеобъемлющей экономической теории, задача которой состоит в объединении эмпирических экономических знаний в единую систему, в обеспечении единого категориального и методологического базиса для конкретных отраслевых исследований, а также в оказании помощи хозяйственной практике.

Если при анализе простых объектов роль теории относительно невелика, так как исследование может вестись и интуитивно, без предварительной подготовки соответствующего научного инструментария, то при исследовании сложных объектов всегда ощущается острая потребность в научно обоснованной теории.

Экономике смело можно отнести к классу самых сложных объектов. Она является очень большой (с чрезвычайно большим числом составных компонентов), очень сложной (ей присуще большое разнообразие компонентов и отношений), вероятностной, быстро изменяющейся системой. Правильно ориентироваться и оценивать отдельные факты и общую обстановку в такой системе на основе интуиции, так называемого здравого смысла, — невозможно. Невооруженный теорией ум не может охватить макроэкономических, и даже микроэкономических явлений.

Действительность представляет собой единство явления и сущности. Таким же единством эмпирического и теоретического познания является научное познание. Так как сущность нами непосредственно эмпирически неосознаваема, человечество выработало специальный вид познания — теоретическое познание.

Значит, каждая из сторон, а точнее, уровней научного познания выполняет свою функцию и пользуется специфическими методами. Эмпирическое познание призвано изучать мир в его конкретных формах и ситуациях. Изучая свой предмет в теоретической плоскости, наука отвлекается от конкретных явлений и конкретных ситуаций. В процессе эмпирического познания объекты познания непосредственно противопоставляются субъекту. Другими словами, эта форма познания носит непосредственный, в то время как теоретическое познание — всегда опосредованный характер.

Экономическая теория в отличие от хозяйственной эмпирики не фиксирует отдельные факты хозяйственной жизни, а ищет ответа на вопрос, в чем сущность экономических процессов, старается раскрыть движущие силы и направление этих процессов.

Как уже говорилось, экономическое знание имеет опосредованный характер. Это можно объяснить идеализированным характером теории. Экономическая теория изучает действительность не во всем ее разнообразии

разии, а абстрактные системы, в которых изучаемый предмет представлен в «чистом», или, как еще принято говорить, идеализированном виде.

Теоретические выводы, полученные на основе изучения абстрактных идеализированных систем, непосредственно относятся только к этим системам. Для того чтобы их отнести к хозяйственной действительности, необходима их постепенная конкретизация. Эта конкретизация не всегда заключается в простом введении факторов, от которых абстрагировались во время теоретического исследования. Объясняется это тем, что сущность, отраженная в абстрактных идеализированных системах, на поверхности явлений при ее конкретизации постепенно модифицируется, искажается. Например, при конкретизации теоретического понятия «прибавочная стоимость» мы получаем понятия прибыли, процента и т. д.

Можно сказать и обратное: из понятия прибыли мы не получим более абстрактного понятия прибавочной стоимости путем отбрасывания из первого отдельных элементов его содержания.

Нет прямого пути от хозяйственной эмпирики к экономической теории, как и наоборот. Марксова теория капитала не является простым обобщением фактического материала. Она возникла сперва как научная гипотеза, правильность которой впоследствии была доказана логически, дедуктивно. Поэтому экономическая теория К. Маркса имеет гипотетико-дедуктивный характер.

Теоретическое мышление, как правило, связано с познанием общего и особенного, в то время как эмпирическое мышление — с познанием единичного. Непосредственное эмпирическое наблюдение за отдельными явлениями не ведет к пониманию развития и функционирования классов этих явлений.

Как известно, природа групповых, интегральных, общих свойств не может быть сведена к свойствам отдельных представителей таких общностей. К тому же интегральные свойства не наблюдаемы. Поэтому единственно эффективным средством их познания является теория. В данном случае в пользу теоретического познания говорит и тот факт, что изменение этих общих свойств происходит на несколько порядков медленнее, чем изменение индивидуальных свойств отдельных явлений. Такая несоизмеримость темпов развития отдельных представителей класса явлений и самого класса как целостности делает эмпирическое познание малоэффективным способом познания групповых, системных свойств. С его помощью редко удается проследить за очень медленным развитием системного объекта познания¹. Теоретическое же мышление, основываясь на определенных предпосылках (которые, как правило, выводятся эмпирически), помогает логически вывести, дедуцировать кривую развития классов, групп и других общностей.

На эмпирическом уровне познания хозяйственные факты рассматриваются сами по себе или в небольших группах. Экономическая теория делает упор на изучение целых систем, охватывает обширные регионы действительности.

Как раз этим объясняется большая прогностическая мощь экономической теории по сравнению с хозяйственной эмпирикой. Общие, системные качества являющиеся определяющими по отношению к индивидуальным. Знание этих качеств дает понимание механизма и направлений самодвижения целых общностей. На основе знания системных движущих сил можно предвидеть не только будущее всей системы, но в определенной мере и отдельных ее элементов. Если мы будем знать законы, направляющие развитие всей экономики, то появится возможность пред-

¹ Хотелось бы обратить внимание на взаимосвязь между эмпирическим познанием и историческим методом. Исторический метод опирается на эмпирические средства познания. В свою очередь, в эмпирических исследованиях акцентируется исторический, а не логический момент.

видеть будущее не только на макроэкономическом уровне, но и в большей мере на уровне предприятия.

Наличие больших возможностей предвидения на основе экономического теоретического знания объясняется тем, что предвидение основано на знании экономических законов. Законы относятся к классам, системам явлений. Они представляют собой системные феномены, ибо основываются на общности условий существования, на массовости, однородности экономических явлений. А как уже говорилось, именно теория является адекватным средством познания системных, групповых явлений.

Из сказанного следует, что, кроме всех прочих различий, теоретическое и эмпирическое мышление различаются своим ориентированием во времени. Если эмпирическое познание ориентировано в основном на настоящее, хотя оно является также неплохим способом получения информации и о прошлом (такие эмпирические методы, как описание, систематизация, часто касаются прошлого), то теоретическое познание решает вопросы воссоздания прошлого (ретроспективные методы), отражения настоящего и предвидения будущего. В экономике теория интересуется прошлым и настоящим чаще всего для того, чтобы лучше понять перспективу. Экономическая теория ориентирована в основном на будущее и поэтому служит полезным руководством для практики.

Это значит, что экономическая теория идет впереди эмпирики и практики. Если же теория не успевает за практикой и должна довольствоваться фиксацией и обобщением имеющегося опыта хозяйствования, ее трудно назвать теорией в полном смысле этого слова.

Предвидение возможно и на основе эмпирического экономического знания, ибо и на этом уровне могут быть раскрыты законы. Это так называемые эмпирические законы (в научной литературе их еще называют эмпирическими правилами). Их содержание составляют необходимо повторяющиеся в определенных условиях хозяйственные факты и процессы. Мы, например, наблюдаем, что индивид, живущий в условиях товарного производства, по существу, каждодневно вступает в отношения купли-продажи. Эти отношения обладают свойствами объективности, существенности, необходимости, повторяемости, т. е. всеми свойствами закона. И на самом деле, они отражают содержание закономерной связи, познав которую, мы можем предвидеть будущее поведение людей, живущих в условиях товарного производства.

Однако эмпирическое познание не в состоянии раскрыть, обнаружить так называемые фундаментальные экономические законы. Последние не могут быть выведены путем индукирования, обобщения эмпирических фактов. Путь к их познанию лежит через создание и исследование идеализированных теоретических систем, очищенных от побочных явлений, представляющих действительность, изучаемое явление в предельных вариантах. Закон прибавочной стоимости, закон стоимости, всю систему фундаментальных экономических законов капитализма К. Маркс раскрыл не столько на основе обобщения фактического материала, касающегося какой-либо конкретной страны, сколько путем всестороннего изучения «сконструированной» им же с помощью метода идеализации теоретической системы «чистого» капитализма, идеала капитализма. На центность этого методологического приема указывал В. И. Ленин².

Изучая экономические явления в «чистом» виде, К. Маркс определил не только законы всей капиталистической экономики, но и отдельные ее сферы и аспекты. Особенно ценным примером использования теоретической идеализации являются марксовы схемы воспроизводства, с помощью которых он сформулировал законы простого и расширенного воспроизводства общественного капитала.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 80.

Фундаментальные экономические законы, в отличие от эмпирических правил, непосредственно к реальной действительности не относятся. Для такого отнесения необходима конкретизация этих законов, нужны промежуточные звенья. К сожалению, встречаются попытки такой фундаментальной закон, как закон стоимости, «примерить» непосредственно на отдельном факте купли-продажи.

Эмпирическое не следует смешивать с чувственным. Чувственное восприятие — это восприятие окружающей среды с помощью пяти органов чувств. Эмпирическое восприятие — это уже умственное восприятие мира. Чувствовать способны все высшие биологические существа. Эмпирически перерабатывать чувственный материал с помощью эмпирических понятий и эмпирических методов, таких, как наблюдение, эксперимент, классификация, способен только человек. Эмпирический уровень познания уже предполагает употребление понятий, даже если эти понятия остаются на уровне представления о вещах, а не понимания существности этих вещей.

Особенно очевидна нетождественность чувственного и эмпирического в экономике. Экономика представляет собой такой регион действительности, в котором не существует чувственно воспринимаемых явлений, нет чувственно фиксируемой экономической материи. Однако это обстоятельство не дает оснований думать, что в познании экономических явлений отсутствует эмпирический уровень познания.

Как пишет Э. М. Чудинов, «... человеческое познание имеет дело не с объективным миром самим по себе, но миром, заданным через практическую деятельность человека. Свойства объективного мира, выделенные практикой, и составляют предмет человеческого знания. Именно с ними и должны сопоставляться утверждения, претендующие на статус объективной истины».

Однако было бы ошибочно думать, что эти свойства составляют непосредственный предмет знания. Они становятся предметом знания только в результате процедуры концептуализации, т. е. их представления через призму определенной категориальной теоретической сетки»³.

Результаты наших ощущений перед тем, как стать предметом мышления, подвергаются концептуализации, т. е. отражаются в понятиях. Ощущения, конечно, являются элементами субъективного мира человека. С помощью концептуализации происходит объективизация впечатлений от чувственных восприятий, формирование общественного коллективного знания.

Неправильным было бы противопоставлять эмпирическое и теоретическое мышление как нечто совершенно независимое. Недопустима также переоценка или недооценка одного из этих уровней познания. По существу, в каждом реальном экономическом исследовании эмпирическое и теоретическое составляют неделимое целое, и только с помощью метода абстракции мы можем различить эти два аспекта научного познания.

Иногда даже учеными умалывается значение экономической теории. Считается, что теория, как правило, имеет гипотетический характер, что данные эксперимента или научного наблюдения более надежны и заслуживают большего доверия. В действительности, эти эмпирические факты не являются окончательными и неопровержимыми. С изменением теории может измениться и, как правило, изменяется их интерпретация. Их можно «увидеть» в совсем другом свете. Недоверие к теории вызывается и тем, что теория, как полагают, приводит к схоластическим рассуждениям, к «витанию в облаках», в то время как эмпирическое познание «ближе к земле». Однако нельзя «списывать» теорию лишь за то, что

³ Чудинов Э. М. Природа научной истины.— М., 1977, с. 217.

существуют примеры неудачного теоретизирования, нельзя обвинять метод или средство за то, что были случаи их плохого применения.

Встречается и противоположная тенденция — преувеличение роли и достоверности теоретического знания. Но, как известно, теория в опытных науках дает лишь относительно истинное знание. Это можно объяснить тем, что в каждой такой теории содержатся гипотезы, умозаключения, сделанные на основании неполной индукции, аналогии и т. п., и которые поэтому не являются абсолютно точными и доказательными.

Нельзя также считать, что эмпирическое познание в экономике приводит исключительно к ошибкам. В хозяйственное эмпирическое знание зачастую входят очень ценные для науки данные, всесторонне проверенные богатым общественным опытом.

С другой стороны, эмпирическое познание является необходимой предпосылкой, своеобразным фундаментом теоретического познания. История любой науки непременно начинается с эмпирической стадии развития, в течение которой описывается, систематизируется и обобщается фактический материал. На этой эмпирической, или как ее еще называют феноменологической, стадии (когда изучаются не сущности, а феномены) отображаются внешние связи между вещами, свойствами и отношениями. Здесь эмпирическим путем фиксируются общие для изучаемых явлений свойства, которые впоследствии становятся основой содержания эмпирических понятий. Именно путем выделения, абстрагирования тождественных, одинаковых для класса явлений свойств появляются такие экономические понятия, как производство вообще, товар вообще и др. Они создают фундамент для образования теоретических понятий. В последних обычно выражаются отношения между эмпирическими понятиями. Например, в таком теоретическом понятии, как стоимость, отражаются отношения между эмпирическими понятиями — товар, труд, потребительная стоимость.

Конечно, эмпирическое познание является ограниченным. Оно не дает информации о глубинных «слоях» действительности. Эту информацию предоставляет человеку теория, с помощью которой можно не только глубже проникнуть в сущность изучаемых явлений, но и предвидеть будущее. Однако экономическая теория только тогда будет плодотворной, не превратится в голое теоретизирование, если она будет опираться на результаты эмпирического познания — понятия, эмпирические закономерности, постулаты, из которых дедуктивно могут быть сделаны теоретические выводы.

Соотношение экономической теории и хозяйственной практики может рассматриваться в нескольких аспектах. Самыми главными из них являются:

- 1) практика как критерий истинности теории;
- 2) проблема конкретизации теоретических положений до уровня конкретных хозяйственных решений;
- 3) проблема вооружения хозяйственных работников теоретическими знаниями.

Изучение каждой из этих проблем связано с большими трудностями. Еще более трудным является их практическое решение. К примеру, до сих пор не до конца изучен вопрос о практике, как критерии достоверности теории, применительно к условиям социалистического хозяйствования. Социалистическая экономика является сознательно планируемой, управляемой. Руководством к этому управлению служат теоретические положения политической экономии социализма. Следовательно, хозяйственная практика в немалой степени является своеобразным отражением экономической теории социализма. В таком случае возникает вопрос: в каком смысле и в какой мере это отражение может служить мерилом правильности экономической теории. Сказанным мы не хотим заставить

усомниться в фундаментальном положении марксизма о практике как основном критерии, показателе истинности теоретического знания, а лишь обращаем внимание на то, что нельзя довольствоваться общей формулировкой этого положения. Оно должно конкретизироваться применительно к социалистической экономике.

Вместе с тем следует помнить мысль В. И. Ленина о практике как критерии истинности научного знания. «Критерий практики,— писал В. И. Ленин,— никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий... настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превращаться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»⁴.

Во-вторых, как известно, в экономическом развитии возможна вариантность. Значит, при управлении социалистической экономикой или ее отдельными сферами возможны альтернативные теоретические решения, которые обычно неравноценны по эффективности, но эффективность их количественно измерить предельно сложно. Поэтому, только когда избирается теоретическое решение, которое при его реализации приводит к явно нежелательным последствиям, можно говорить, что теория не оправдала себя на практике. Если же теоретическое решение не приводит к осязаемым отрицательным последствиям, очень трудно установить, лучшая ли теоретическая альтернатива была выбрана. Трудно, например, оценить, сравнить альтернативные варианты размещения производительных сил республики, отраслей и т. д. Сложно также сравнивать осуществленный вариант с неосуществленными, так как за ними, как правило, кроются невидимые, неуловимые выгоды и убытки, которые, даже в осуществленном варианте, дают о себе знать только спустя некоторое время.

В-третьих, в отличие от естественнонаучных дисциплин, в экономической науке существование противоречащих экономической теории фактов или их групп не обязательно свидетельствует о неправомерности теории. Экономическая теория может правильно отражать действительность, и вместе с тем могут существовать хозяйственные факты, противоречащие этой теории, не исходящие из нее. В таком случае эти факты являются результатом волюнтаристской деятельности людей. Но на деле часто очень трудно установить, чем именно порожден этот противоречащий теории факт: тем, что теория неправильно отражает истинное движение, законы функционирования и развития экономики, или же ошибками экономических субъектов.

В-четвертых, сложной является проблема самого соотношения экономической теории с практикой. Теория, как отмечалось, является идеализированным отражением экономической действительности, поэтому обычно очень трудно установить, соответствует ли требованиям теории конкретное хозяйственное решение. Для этого необходимы опосредствующие звенья между теорией и конкретными решениями, выделение которых тоже вызывает немалые трудности⁵.

Как видно из вышесказанного, первый аспект соотношения экономической теории и хозяйственной практики, в котором практика выступает как критерий правильности теории, тесно связан со вторым аспектом — конкретизацией теоретических положений до уровня практических решений. Нетрудно убедиться, что тесно взаимосвязаны все эти аспекты.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145—146.

⁵ Мы полностью поддерживаем мнение, что «встречающиеся в последнее время попытки свести практику как критерий истины в политической экономии к текущему хозяйственному опыту... могут вести прямо к эмпиризму, позитивистской методологии» (Сергеев А. Метод и предмет политической экономии социализма.— Экономические науки, 1978, № 10, с. 16).

К примеру, с вооружением хозяйственных кадров теоретическим знанием уменьшилось бы количество субъективистских решений и практика точнее отражала бы теорию, в связи с чем легче было бы сопоставлять теорию и практику. В условиях более высокой теоретической подготовки управленческих кадров также более «плавно» происходила бы «трансформация» теоретического знания в практическую деятельность.

Ниже мы и остановимся на вопросах передачи достижений экономической теории в сферу практической экономической деятельности.

Умение теоретически мыслить является необходимым условием точного понимания экономических процессов, а следовательно, и успешного управления ими. К сожалению, среди работников сферы управления довольно широко распространено мнение, что теоретические знания дают мало пользы практикам. Немало хозяйственников считают, что теория должна дать конкретные советы, как действовать в той или другой конкретной ситуации. Словом, они необоснованно ждут от теории готовых рецептов, забывая, что теория не вникает в каждый отдельный случай. В противном случае она перестала бы быть теорией. Теория не решает конкретных проблем, но она является эффективным средством для их решения. Человек, вооруженный теоретическими знаниями, обладает более высокой культурой мышления, он более эффективно обрабатывает получаемую информацию и принимает более обоснованные решения.

Конечно, бывают случаи, когда реализация теоретических рекомендаций не приводит к желаемым результатам. Но это случается не только потому, что эти рекомендации не соответствуют реальному положению вещей, но и потому, что они в процессе их осуществления (часто незаметно для многих) «теряют лицо», искажаются.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме взаимопонимания между экономистами-теоретиками и экономистами-практиками. С ней тесно связаны две другие важнейшие проблемы. Во-первых, это проблема конечной эффективности науки. Результативными можно считать только те теоретические исследования, которые находят свое правильное применение на практике. Во-вторых, это проблема рационального хозяйствования. Более рациональным является хозяйствование, опирающееся на теорию. Последняя позволяет избавиться от узкого практицизма, который, если исходить из местных интересов, может казаться вполне оправданным, но с точки зрения более общих интересов, приносит вред. И в первом, и во втором случае важнейшее значение имеет вопрос о передаче результатов теоретических исследований в практическую сферу. Успешность этой передачи в решающей мере зависит от степени взаимопонимания между теоретиками и практиками.

Пока такое взаимопонимание оставляет желать лучшего. Одна из причин этого, как отмечает польский ученый Я. Щепаньски,— довольно значительное несоответствие в образовании, во взглядах, в установках научных и практических работников. Он сравнивает в этом отношении социальные и технические науки. Когда конструктор решает определенную техническую задачу и передает это решение в сферу практического применения, инженер-практик, как правило, достаточно подготовлен для того, чтобы понять, оценить и осуществить эту техническую идею на практике. Технический язык и способы мышления конструктора и инженера-практика почти идентичны. Свобода интерпретации здесь очень невелика. Поэтому и вероятность, что конструктор и инженер не договорятся между собой, невелика по сравнению с вероятностью возникновения недоразумений между экономистом-ученым и экономистом-практиком⁶.

⁶ Studies in methodology.— Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, WPAN, 1976, p. 13—17.

Эти недоразумения могут возникнуть и среди самих ученых, и среди практиков, и основная причина всех этих разночтений одной и той же идеи та, что они изучают хозяйственную жизнь с помощью различных категориальных сеток.

Одной из главных причин возникновения трудностей в передаче экономических научных знаний в область хозяйственной практики является относительная расплывчатость экономических понятий. Трактовка многих экономических понятий, даже среди ученых, неоднозначна. Более того, во многих случаях эти понятия воспринимаются интуитивно. Поэтому еще нередки случаи, когда споры возникают не из-за существа вопроса, а из-за различного понимания употребляемых понятий. Но, как замечал В. И. Ленин, прежде чем вести дискуссию, сначала следует договориться насчет содержания употребляемых понятий.

Другая важнейшая причина возникновения трудностей в контактах экономической теории с практикой связана с тем, что каждый человек имеет свои собственные «философские» взгляды на общество и свое мнение о причинах всякого рода недостатков и методах их устранения. Эта «философия» во многих случаях и мешает принять на вооружение достижения экономической теории. Один из самых важных элементов этой житейской «философии» — убеждение экономистов-практиков, что они, мол, лучше знают положение вещей, чем теоретики, ибо связаны непосредственно с практикой. Они на самом деле лучше знают фактическое положение детали хозяйственного механизма, однако их эмпирические знания нередко ограничиваются осведомленностью в том, что есть, и сравнительно мало пользы дают, когда необходимо выяснить, как должно быть.

Как уже говорилось, наше практическое эмпирическое мышление предоставляет информацию только о внешних свойствах окружающего нас мира, только о феноменах. И объясняется это не свойствами самого человеческого мышления, а свойствами практической деятельности человека, особенноными общественной практики. Каждое практическое действие является односторонним. Будучи направленным на реализацию определенной цели, оно направлено на определенные стороны реального мира, которые с точки зрения этой цели являются существенными; другие же стороны игнорируются. Практическая деятельность человека является перманентным процессом дробления реальности на более и менее важные элементы. Причем оценка важности того или другого предмета, свойства или процесса происходит на основе узкопрактических критериев, в которых учитываются только самые непосредственные во времени и пространстве последствия. Словом, односторонняя, фрагментарная, основанная на разделении труда практика предопределяет односторонний, несистемный характер нашего практического, эмпирического мышления. Именно это и позволяет говорить о практическом мышлении, как об узкогоризонтном. Утилитарное, если можно так выразиться, познание охватывает только узкие регионы действительности. Это дает повод говорить об его узком пространственном «горизонте». Ограничен и его временной «горизонт», ибо оно часто неточно воспроизводит прошлое и не дает достоверной информации о будущем.

Довольно часто встречающийся узкий практицизм ведет к инертности, к рутине, является серьезным препятствием для нововведений. Ведь нередко отказываются от мероприятий лишь потому, что они плохо согласуются с существующим порядком и что при реализации этих мероприятий пришлось бы менять существующий порядок. Последний не совсем идеален, но зато понятен, а различные изменения вносят неопределенность. Как показывает история общественного развития, мышление, основанное на здравом смысле, т. е. практическое мышление, всегда стремилось к стабильности (что в определенном смысле хорошо) и пото-

му было настроено против новшеств, которые содержат угрозу этой стабильности, вносят неопределенность.

Мышление, основанное на теоретических знаниях, настроено на будущее. Теория, определяя тенденции экономического развития, помогает лучше понять перспективу и тем самым уменьшает страх перед ней. Поэтому теоретические знания в условиях научно-технической революции, акселерации экономического развития, когда нужны непривычные решения, так как увеличивается число непривычных проблем и ситуаций, приобретают особенное значение.

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса
Межфакультетская кафедра политической экономики

Редколлегия вручено
в мае 1979 г.